

Глава I

ПРИЕЗД

Местный поезд с тремя вагонами подошел к станции Ньюли в половине пятого, и Николас Кабот сошел на перрон. Дело было в пятницу днем в начале июня. Распогодилось; небо было безоблачное, свежий ветерок смягчал палящее солнце. Он втянул носом пригородный воздух — особенно свежий и сладкий для лондонских ноздрей — и вдруг отметил, что, озираясь по сторонам, он презрительно кривит губы... скорее по привычке, нежели из-за какого-либо неприятного чувства. Смотреть, в общем-то, было не на что, так как платформа была почти пуста; больше, похоже, никто не сошел с ним за компанию.

Николас был бледный, худощавый, невысокого роста, неприметный молодой человек лет двадцати пяти, с довольно тонкими чертами лица, но с волевым взглядом, решительным подбородком и полными, выпяченными вперед губами, свидетельствующими скорее о том, что их обладатель — упрямец-смельчак, а не темпераментно-дерзкий тип. На нем были серые фланелевые брюки и новая белая соломенная шляпа прямого покроя, весьма характерная для городского жителя. Когда Николас направлялся к багажному вагону, чтобы позаботиться о своем чемодане — носильщик уже успел бесцеремонно выставить его прямо на платформу, — к нему вдруг подскочил мужчина, одетый в грязно-белую шоферскую куртку и форменную фуражку, и козырнул по-военному.

— Вам в Перестанок*, сэр?

— К мистеру Стерту, да.

— Машина ждет, сэр. Это вся ваша кладь?

— Вот, чемодан и сумка. Вы не знаете, посылку на мое имя уже доставили?

— Не в курсе, сэр.

Носильщик помог Николасу погрузить весь багаж в довольно грязный, выдавший виды четырехместный автомобиль, стоявший в ожидании на вокзальной парковке. Николас отдал свой билет и последовал за шофером. Ему показалось довольно чудным то, что ни одна душа из семейства Стерт не явилась встретить его, но он почувствовал облегчение оттого, что по дороге к дому ему не придется говорить банальности незнакомым людям. Он предположил, что, поскольку Стерт сам был бывшим актером, они принадлежали скорее к богеме. Судя по автомобилю, так оно и есть — типично богемные причуды; любое семейство победнее точно захотело бы пустить ему пыль в глаза, выслав какую-нибудь навощенную иномарку. К тому же облик шофера был уж слишком харизматичным — у мужчины были большие ручки, по объему способные поспорить с рогами тура; он сутулился под тяжестью прожитых лет — и, очевидно, совмещал уход за садом с другими своими занятиями.

Когда все было готово к старту, машина выехала с парковки на сельскую улицу. Ньюли оказался тихим, некрасивым и непримечательным поселком. Весь город, если

* В этом романе, как и в «Путешествии к Арктуру», проявляется любовь Линдсея к разным «говорящим» названиям. В оригинале поместье называется Megeway, что прочитывается как «теге way» (многозначительное выражение — можно перевести и как «промежуточный», и как «простой способ», и как «лишь путь к чему-либо»). «Перестанок» в данном случае — и промежуточная станция, и разговорное слово, означающее того, кто вышел из возраста, подходящего для чего-либо, стал слишком стар. — *Здесь и далее — примеч. переводчиков.*

не смотреть на харчевню для железнодорожников и полудюжину магазинов, состоял из домиков рабочих, да и тех было что-то почти не видеть. Вскоре они миновали дома, но первые полмили дорога не представляла собой ничего интересного. Однако же когда она начала подниматься, обочины ее сделались куда более зелеными и живописными. Лучи распаленного солнца отражались от низко нависающих ветвей, в то время как прохладные чащобы по обе стороны асфальтовой полосы делались все более чарующими с виду, сказочно-завлекательными.

Поездка выдалась довольно короткая — до современного фешенебельного райцентра было меньше двух миль от станции; вот уже показались первые красивые дома. Какому-то предприимчивому застройщику пришло в голову разделить земельный надел на участки по три, пять или десять акров с целью возведения высококлассных резиденций в стиле бунгало для того многочисленного класса праздных людей, что наслаждаются солнечным светом, природой, фальшивым чувством «близости к диким истокам» и «новым искусством». Всякое имение, что Николас проехал — два-три десятка таковых, по приблизительным подсчетам, — стояло на своей территории, под крышей из одинаково-красной черепицы — остроконечной и довольно гротескной на вид. Дома отделялись от ближайших соседей редкими соснами, теми жалкими пережитками изначального леса, где птицам еще было дозволено вить гнездышки. Более густая роща начиналась сразу за крайними домами. Неподалеку раскинулось мелкое лесное озеро. Имена по большей части щеголяли причудливыми названиями; у всех было по теннисному корту, беседке и розарию.

Перестанок на первых подступах оказался столь же вычурным, как и все местные дома, и превосходил их размерами. Дымоходы и фронтоны этого дома сходились и гнулись будто бы под самыми немислимыми углами; окна глядели во все стороны; дорожки, вившиеся по территории,

мостила разноцветная брусчатка; и не было числа беседкам, клумбам, садовым шпалерам и разномастной садовой мебели. На корте висела теннисная сетка; чуть в стороне трава была размечена под крикетный питч*. Тут и там пестрели развеселые цветники, а на заднем дворе Николас заметил прополотые грядки и птичник. От имения веяло праздником. Казалось, дом построили только вчера, хотя на самом деле он уже разменял второй десяток лет. Машина свернула на короткую подъездную дорожку и замерла у главного входа, рядом с оранжереей. Николас вышел. На крыльце его уже поджидала расторопная горничная.

— Куда ставить чемодан? — спросил у нее шофер.

— Пока оставьте в коридоре, Джордж. Я провожу джентльмена в гостиную и вернусь.

— Ваша хозяйка дома? — поинтересовался Николас, следуя за девушкой.

— Дамы уехали в гости, сэр, но я сейчас позову хозяина.

— В таком случае, если можно, я лучше сразу пройду в свою комнату.

— Может быть, позже, сэр, если вам угодно? Мне велено проводить вас в гостиную. Это дело первой важности. — Не договорив, она отворила дверь и жестом пригласила его войти, после чего поспешно ретировалась. Николас устроился на стуле у открытого окна. Из него открывался вид на газон, окаймленный темным древесным частоколом. Комната оказалась со вкусом обставлена: мягкий дорогой ковер, антикварные стулья, стены сплошь в японских цветных гравюрах, в углу — кабинетный рояль фирмы «Бехштайн» с поднятой крышкой. На пюпитре покоился раскрытый сборник пьес Сесиль Шаминад** в рваной бумажной обложке. Один из стульев сиротливо укрывала

* Cricket pitch — термин, означающий прямоугольную площадку в центре поля для игры в крикет.

** Сесиль Шаминад (1857–1944) — французская пианистка и композитор.

недовязанная цыплячье-желтая кофта; от рукава нить тянулась к клубку пряжи того же цвета.

Вернулась горничная с чаем и трехногим столиком; задвинула столик в нишу. Тут же на красном фарфоровом сервизе заиграли солнечные зайчики.

— Хозяин просил вас начинать чаепитие, сэр. Он скоро спустится.

Николас кивнул с непринужденным видом, но про себя подумал, что попал в очень странное место. Налив чашку и отломив кусочек печенья, он вернулся к окну. Минуту спустя в комнату вошел сам хозяин, едва сдерживая зевок. Это был высокий, худощавый и довольно небрежно одетый человек — внешность, вполне подходящая его профессии. Не красавец, но совершенно точно харизматичный; с продолговатым лицом, исполненным спокойствия, но под краями губ уже прорезались трагические морщины, да и на щеках проступил синюшный отлив. Фамильярным жестом он протянул Николасу руку, смешно оттопырив три пальца, и после обмена приветствиями похозяйски опустился на диван.

— Очарован знакомством с вами, сэр! — заговорил он несколько замогильным голосом, тягуче растягивая гласные. — Не нальете ли мне чашечку?..

Николас опешил, но подчинился.

— Меня разбудили, — продолжал Стерт, поставив чашку на ковер рядом с собой и снова зевнув. — Я — султан сонного царства... Ох, ну и печенье! Зубы сломать можно. Надеюсь, оно еще не испортилось. — Он долго изучал тарелку, пока гость стоял в ожидании; выбрал себе угощение и несколько минут неторопливо жевал, прикрыв глаза.

— Мне сказали, вы только что приехали? — спросил он с набитым ртом.

— Десять минут назад.

— Никаких происшествий по дороге, все прошло хорошо?

— Да, благодарю вас.

Краткость ответов заставила Стерта присмотреться к гостю внимательнее.

— Что ж, замечательно... Полагаю, дамы отбыли. Жаль, но ничего не поделаешь. Наша жизнь, признаться, весьма неординарна. Скоро вы освоитесь с нашим укладом и, возможно, даже найдете в нем свою прелесть. После чаепития вам покажут вашу комнату... Кажется, вы провели несколько лет у моего зятя, Спирмана?

— Да.

— В качестве секретаря или кого-то подобного?

— Нет, я работал счетоводом.

Хозяин чуть нахмурился.

— Какая же это, право, скучная работа! Хотя он неплохой парень, и, надеюсь, вы с ним ладили. Многие пренебрежительно относятся к агентам по недвижимости, как и к ряду иных профессий... Но ведь это почти искусство — в конце концов, хороший дом куда ценнее груды угля или штабеля неуложенных кирпичей. Уверен, за годы службы вы успели познакомиться с достойными людьми?

— Нет, в моем деле решались по большей части непубличные задачи.

Его брови взлетели снова.

— Ваш дядя или дед недавно умер, я не ошибаюсь?

— Дядя.

— И вы его единственный наследник?

— Да.

— Спирман что-то говорил об этом, но я запомнил. У меня сложилось впечатление, что речь шла о довольно крупной сумме.

— Я получил примерно пятьдесят пять тысяч фунтов. По крайней мере, так мне сказал Данджерфилд, поверенный. Может, чуть больше или меньше.

— Огромное состояние для молодого человека, мой дорогой. От всей души поздравляю! Честное слово! У меня никогда в руках не было такой приятной суммы, да и не будет, боюсь. В лучшие времена, в девяностые, я зарабатывал

первые пять тысяч, потом и десять в год, но у профессионала столько нужд — поверьте! Даже в ту пору моя жизнь была мучительной борьбой с поставщиками. Накопление богатства всегда оставалось для меня на втором плане.

— Мистер Спирман сказал, вам пришлось оставить сцену после автомобильной аварии.

— Да, мой милый мальчик, все начиналось как славная поездка с ветерком! А потом тот проклятуший экипаж вышвырнул меня через лобовое стекло прямо на спину — и моя карьера не выдержала такого удара! Но кто знает?! Возможно, сейчас я был бы уже баронетом.

— Вам просто не повезло.

— Судьба сдала мне чертовски дурные карты, приятель!.. И вот результат: я вынужден сводить концы с концами в глуши Хемпшира. Если мы стали соседями, почему б не говорить откровенно? Времена тяжелые, расходы большие, а прибыль все меньше. Ценники и налоги знай себе ползут вверх, прислуга больше не работает за гроши. Жена и три взрослые дочери — очаровательны, но сколько нужд, сколько нужд!.. Я рассказываю это, чтобы между нами не было ложной стыдливости. Вы согласились платить десять гиней в неделю за постой — и эти деньги мне очень пригодятся. Разумеется, я не хочу сказать, что вы не получите должного комфорта за эту плату.

— Да, я все понимаю.

— Давайте еще раз проясним все наши договоренности, чтобы тут не осталось никаких недомолвок. За ту сумму, что вы готовы заплатить, можно было бы снять номер в отличном отеле, с комфортом, каковой мы, честно говоря, вряд ли сможем обеспечить. Однако в отеле вы не обретете тепло настоящего семейного очага, компанию порядочных людей в их родной обители. У вас не будет собственного уголка. Вы будете чувствовать себя чужаком среди таких же, как вы, пришельцев. Вам не познать счастья каждодневного быта в окружении очаровательных девушек — а мои дочери, надо признать, действительно

красивы, зачем мне тут скромничать? И вряд ли вы сыщете место, откуда можно выйти прямо вглубь соснового бора через неприметную дверь. Следовательно...

— Да, я прекрасно все понимаю, — с легким оттенком нетерпения отозвался Николас. — Я принял приглашение мистера Спирмана исключительно из-за потребности найти уединенное место для своих занятий. Полагаю, он как-то объяснял вам?..

Стерт, не вставая, извлек из кармана пиджака золотой портсигар и протянул его вперед.

— Курите?

— Благодарствую. — Николас принял сигарету, поднявшись с места и, вместо того чтобы снова сесть с ней, прошествовал к окну. Взгляду открылся залитый солнцем сад.

— У вас прекрасное место, — заметил он.

— Очаровательное, мой дорогой мальчик! Такие места не раскрываются за полчаса. Вы еще успеете к нему привязаться. Но мы говорили о вашей работе, если не ошибаюсь? Шурин упомянул, что она как-то связана с химией — грубо говоря, с вонью. Если вы не собираетесь взорвать нас к чертям или превратить дом в хлев, мы, конечно, не возражаем.

— Ни взрывчатки, ни неприятных запахов не будет.

Николас стоял к хозяину спиной, и Стерт позволил себе быстрый, острый взгляд из-под полуопущенных век, а затем снова погрузился в задумчивость.

— Вы меня, право, успокоили. Вы специалист или студент?

— Я естествоиспытатель.

— Вот как!.. Простите мое любопытство, но что-то тут, по-моему, не сходится. Я не вполне понимаю, как счетоводство стыкуется с таким вот хобби. Давно ли вы интересуетесь химией?

— С молодых ногтей.

— Хвалю! Но если ваш интерес так силен, почему не избрать поприще ему под стать?

— Я хотел сохранить независимость мышления, насколько это вообще возможно нынче, — объяснился Николас.

— То есть, считаете, профессиональное образование засушило бы оригинальность ума?

— Я в этом уверен. Когда наконец выучишь все необходимые уроки, мозг уже слишком притупляется и становится ни на что не способен.

Стерт зевнул и минуту молчал. Затем расправил плечи и произнес:

— Дорогой друг! Подобная блажь поставила жирный крест на уйме толковых молодых людей. Я на своем веку повидал столько любителей соригинальничать на ровном месте, что склонен видеть в нестандартных решениях проявления душевной болезни или чего-то к тому близкого. Не велите казнить!.. Впрочем, бывают и исключения, да и в любом случае лучше нам не начинать знакомство с разногласий!

— Кажется, кто-то идет, — заметил Николас, выбрасывая недокуренную сигарету в окно.

Не привыкший к женскому обществу, он ярко покраснел, когда дверь почти тотчас же отворилась и в комнату вошла хозяйка. Он коротко и неуклюже поклонился, не сводя с нее глаз, — ведь именно от этой женщины зависело, насколько комфортными будут следующие недели, а то и месяцы его жизни в этом доме.

Миссис Стерт выглядела значительно моложе мужа. Николас примерно оценил его лет на шестьдесят, тогда как ей, несмотря на трех взрослых дочерей, можно было дать тридцать семь, максимум сорок лет. Она одевалась по последней уличной моде, подходящей девушке на выданье. В ее движениях чувствовалась гибкость, укрепленная недавними спортивными занятиями. Высокая, статная, она скорее походила на иностранку: светловолосая, с высокими скулами, полными губами и хорошей кожей. Лицо очень приятное, но волевое и осознанное, густые брови, живые и веселые глаза, голос дружелюбный, легкий,

мелодичный. И никакой особой дедукции не требовалось, чтобы понять: именно на ней держится весь дом.

Она проигнорировала его поклон и смущение, первой протянув руку.

— Простите, что меня не было. Навещала близкую подругу, она только вчера вернулась домой. Хотя «домой» — не совсем верное слово, думаю. Большую часть жизни она проводит в Лондоне, Манчестере и тому подобных местах. Лора Дженсен, известный композитор. Вы знакомы с ее музыкой?

— Что-то от нее я определенно слышал.

— Что именно? Впрочем, все в ее творчестве прекрасно. Музыка, созданная женщинами, на мой взгляд, всегда несла в себе особенную, тонкую чувственность — ее порой недостает творениям мужчин. Это похоже на едва уловимый аромат парфюма... — Она вдруг осеклась и рассмеялась. — Как захватывает дух представить, что в нас, женщинах, таится неизведанный творческий потенциал! Сейчас Лора трудится над дивной миниатюрой с названием «Памела в розовом саду». Нам обязательно нужно вас представить. Возможно, однажды она заглянет к нам в гости вечером и что-нибудь исполнит. Ее игра — это нечто божественное.

— Она швейцарка... или все-таки англичанка?

— Родилась в Англии, но взяла фамилию матери по одной ей известной причине. Ее мать — вы тогда еще не родились — была красивой и талантливой певицей из Швеции или Норвегии, точно уж и не упомню. — Она снова прервалась и рассмеялась. — Как нелепо вести с вами праздные беседы, когда вы только что приехали после утомительной поездки! Вам уже показали вашу комнату?

— Пока нет.

Она повернулась к мужу:

— Девочки еще не вернулись, Лесли, я так понимаю?

— Похоже, нет.